

МИХАИЛ АЗАРИЯНЦ

СКИТАЛЕЦ

Михаил А. Азариянц

Скиталец

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40000612
Скиталец. / Азариянц М. А.: Перо; Москва; 2018
ISBN 978-5-00122-773-1

Аннотация

Повесть о приключениях бывшего советского гражданина и обретении им новой родины. Случайное убийство в поезде, шальные деньги, перестройка, кораблекрушение, эмиграция, всё переплелось в его судьбе.

Михаил Азариянц

Скиталец

*Мерный стук колес и поезд мчится,
покидая жуткие места.
Небо звездами искриться,
а по рельсам мчатся поезда.*

В вагоне полумрак и тишина, лишь изредка раздается неприятный, захлебывающийся храп мужчины, спящего на второй полке. Он лежит на спине, и при каждом глубоком вдохе его мощная грудь, обьятая в белую армейскую рубашку, какие носят военные под гимнастеркой, вздымается и опускается, издавая клокочущие звуки, как бурлящий котел. Все остальные тоже спят, утомленные дневным казахским солнцем и духотой, которая к ночи постепенно растворяется прохладным воздухом, врывающимся в плацкартный вагон в открытые фрамуги окон и свежеет.

Мне не повезло, что среди приятной публики, нашего открытого купе, едет этот человек. И не только от того, что он нарушает ночную тишину своим храпом, а и от того, что от него разит водочным перегаром, перемешанным с чесночным запахом. Он весь прошедший день шастал по вагону, стараясь не пропустить ни одну остановку, где можно было за рубль купить пузырь с самогонкой. А вернувшись с удачной покупкой он доставал двумя толстыми, корявыми и не

очень чистыми пальцами соленый огурец из литровой банки, ранее извлеченной из коричневого саквояжа, набитого всякой всячиной, выпивал очередную порцию барматухи и закусывал, роняя слюни, перемешанные с огуречным рассолом на синие галифе, которые он еще не успел заменить на гражданские брюки. После каждой экскурсии в свою поклажу он тщательно закрывал и усердно задвигал ее ногами, обутыми в черные хромовые, давно не чищенные сапоги, под сидение. Кроме него в купе были две сестрички – близняшки, которые весело стрекотали, рассказывая о прелестях Ферганской долины, о хребтах Алатау, снежных вершинах и красных маках у подножья этих величественных гор. Ика и Лика, так звали этих милашек, которые вслух не переставали восхищаться экскурсией по историческим местам Средней Азии.

Мы познакомились в Кунграде, где я пересел из Алма-атинского поезда. И хотя в окна давило горячее солнце, а в купе было тесно, и люди, снующие туда – сюда, не давали покоя; мы ухитрились играть в ДУРАКА, смеялись и сопровождали нашу игру анекдотами.

Неприятный пассажир, изрядно наглотавшись опасной сивухи, развалился на нижней полке и рассказывал о своих «лагерных» похождениях. Говорил он громко, желая привлечь к себе внимание, стучал по столику кулаком, угрожая неизвестным людям, что скоро вернется, и тогда им мало не покажется. Из его пьяного разговора мы поняли, что он был отставным прапорщиком, служившим в тюрьме. И что он,

нарушая закон, проносил заключенным морфий, спиртное и сигареты и нажил себе на этом целое состояние. А когда его развезло, он даже открыл саквояж, показал пачки десятирублевых купюр и сказал: А что, вот как жить надо! Теперь я богач!

Но никто на это не реагировал, а он, продолжал ругать всех и вся; потом кое-как взобрался на верхнюю полку и заснул. Стало тихо. Надвигалась ночь Все спали, а я сидел и переводил свой взгляд, то на Ику, то на Лику, и хотя они именовали себя близняшками, я, кажется, научился различать их и безошибочно называл по имени. А сейчас мог разглядывать этих милых девчонок и любоваться ими, как свежими тюльпанами в весенних лугах. Лика, стройная, белокурая с чуть припухшими, сладкими губами, хмурила свои тонкие темные брови, обижаясь на кого-то во сне. Она лежала на правом боку, подложив под розовую щечку изящную нежную руку с шоколадным загаром, чуть загнув тонкие музыкальные пальчики в кулачок. Ее шелковые, вьющиеся волосы раскинулись полу веером по подушке, напоминая сказочную фею. Так и хотелось прикоснуться губами к это юной красавице, но я боялся напугать ее во сне, да и имел ли на это какое право. Ика была не менее привлекательна и мила, и даже над верхней губой была маленькая изящная родинка, но меня тянуло к ее сестре.

– Значит есть все-таки какая-то сила магнетизма между людьми, – очередной раз подумал я.

Под мерный стук колес я временами дремал и резко просыпался от ужасного храпа тюремного прапорщика.

Командировка моя подошла к концу, и я, успешно завершив ее, в хорошем расположении духа возвращался домой. И все бы было чудесно, если бы бог не посадил к нам в купе этого неприятного человека.

Прокручивая в уме ход командировки, я понял, что не зря вызвался сам предпринять попытку обустройства нового места передислокации СМП 224.

Начальник Управления строительства-99 Тимур Баркинхоев, назначенный недавно Главком на эту должность, рвал и метал. Москва прислала новый план развития Восточного участка железной дороги от станции Ащелисайская до Челябинска. В плане были обозначены конкретные участки и сроки, в которые уложиться было просто невозможно. А опытных инженеров, с организаторскими способностями, в Управлении и так не хватало, а тут нужно было посылать человека на новое неизведанное место. Подготовить его и передислоцировать туда не только производственные мощности подразделения СМП, но и жилой поселок, и всю инфраструктуру: ОРС, магазины, почту и детский садик, пакгауз, с подъездными путями. – задача не из легких.

Как-то после утренней планерки, на которой он озвучил проблему, я подождал пока все покинут кабинет и обратился к нему:

– Послушай, Тимур, ты знаешь, что я, как твой зам по кад-

рам и быту, меньше остальных загружен работой. Жилищный вопрос у нас не стоит очень остро. Все свои обеспечены жильем, по лимиту с местной исполнительной властью мы рассчитались, и месяц моего отсутствия никак не скажется на жизни Управления, а потому я готов помочь тебе в этом вопросе.

– Так ты поедешь в Сагиз? – удивился он, – добровольно? Никто не горит желанием совершить такой подвиг. Там пустыня и каракурты, верблюды и тарантулы, овцы и скорпионы. Потому я не готов сам предложить кому-то эту командировку. А посылать человека надо.

– Да, я и не собираюсь задерживаться там, распоряжусь начальнику СМП, поставлю перед ним задачу и поеду на Ащелисайскую – там ведь основные дела. Подготовлю территорию, а главное построить тупик к будущему пакгаузу. И по мере готовности начнем процесс переселения. Для начала мне: небольшую сумму в отчет, приказ и письмо начальнику Челябинского отделения ЖД. Авось понадобится его помощь. Он поймет, что это государственная задача. Связь через местные ШЧ. Вот и все. А там видно будет.

– Давай, спасибо за понимание, – сердечно поблагодарил он и пожал мне руку. – Выезжай завтра, и не забудь проездной.

И опять, увлекшись воспоминаниями, я задремал. Резкий храп соседа разбудил меня и, как видно, вовремя. Тело его почти висело наполовину над проходом, а головой он мог

при падении удариться об стол. Я приподнялся и стал заталкивать его пьяного на полку, боясь, что он наделает много шума свалившись вниз. Он стал сопротивляться, не понимая в чем дело. Затем пробудился, спустил ноги вниз, потряс головой и сел на мою полку, потом резко сгреб со стола пачку Беломора и спички и предпринял попытку прикурить прямо в купе.

– Стой, – сказал я ему, – пойдем в тамбур – там и покуришь!

– Нет, я покурю здесь и никуда не пойду!

Но я, аккуратно разводил его руки со спичками, не давая ему прикурить.

Мы некоторое время пререкались, но мой довод, что в соседнем купе маленький ребенок, все-таки подействовал на него. Обнявшись мы пошли в нерабочий тамбур. Он кое-как зажег спичку, прикурил, вдохнул большую порцию дыма, и подошел к дверям. Я не придавал этому никакого значения, а стоял, прислонившись к стене. Он повернул защелку, но дверь не открылась, да она и не должна была открыться – ключ обычно бывает только у проводника, – ухмыльнулся и стал что-то искать в кармане. К моему удивлению он вытащил из него универсальный ключ от вагонных дверей, с трудом вставил ее в скважину, повернул, нажал на ручку, и дверь распахнулась. Свежий поток воздуха ураганом ворвался в тамбур..

– Стой! – крикнул я – выпадешь, как птенец из гнезда,

закрой дверь, ты же пьян!

– Прочь! – ухватив меня за рубашку, прогремел он, – дай подышать, а то я тебя быстро выкину из вагона, щенок!

Огромный мужик он легко мог бы сделать это – будь он потрезвее.

Спиной он уперся в стенку тамбура, а свободной от папиросы рукой потянул меня к дверям.

– Видишь как я могу, – ревел он.

Дело принимало опасный оборот, и я понял, что надо спастись самому. Сильно ударив его по руке, я вырвался, оставив между его пальцами кусок моей рубашки, а потом нырнул в середину тамбура и оттолкнул его от себя в сторону открытой двери. Он потерял равновесие, замахал, как мельница руками и хотел было ухватиться за раму, но неожиданный, резкий поворот вагона помешал ему. Он промахнулся и вылетел в открытую дверь. Я видел, как он падал в ночную темь и уловил слухом короткий шлепок его плюхнувшегося о насыпь тела. А потом только камешки, сверкающие от света вагона, бежали вспять, унося меня подальше от места преступления. Схватившись за оконную решетку. Я некоторое время стоял неподвижно, прикинув к ней головой. Шок сковал меня. Я не мог поверить, что случилось непоправимое: Я убил человека, не умышленно, но... убил, меня накажут, посадят в тюрьму, может быть даже в ту, в которой работал этот человек. Но ведь я не виноват. Что я натворил?! Но ведь он сам открыл дверь и хотел выкинуть меня из ва-

гона... я защищался. Но кому понадобятся мои оправдания? Надо уйти, надо, надо покинуть это место!

Я поправил рубашку, поднял лоскут, который при падении выронил прапорщик и тихо открыв внутреннюю дверь, пробрался на свое место. Кругом была мертвая тишина. Лишь во втором от туалета купе женщина кормила грудью засыпающего младенца, но она, увлеченная этим очень значительным и приятным занятием, даже не подняла глаз в мою сторону.

Я сел на место, снял рубаху и засунул ее в портфель, достал футболку и натянул ее на дрожащее тело.

– Надо успокоиться, – подумал я, глубоко вдохнул воздух, медленно выдохнул, закрыл глаза и хотел переключить свое внимание на что – то другое. Но картина падения этого негодяя вновь и вновь всплывала перед глазами. Я взял со стола стакан с холодным чаем, выпил его, и кажется стало легче. Я сидел и думал: виноват или не виноват в смерти этого человека?

Я предполагал всякие «если», ну если бы я не потащил его в тамбур курить? Ну и так далее. И все время оправдывал сам себя.

То, что никто не видел ни меня, ни его – это уже хорошо. Да и скоро ли найдут его в этой необитаемой пустыне, не раньше, чем завтра в обед, если путевые обходчики, пойдут с проверкой и, если оно, конечно, не скатилось в седловину подступающего бархана. А если нет, то машинист любо-

го товарного поезда может увидеть тело возле путей, сообщит диспетчеру, и пока то да это – мы будем уже в Гурьеве. Но чтобы его отсутствие не обнаружили здесь, надо спрятать под боковую полку его саквояж.

– Господи, – осенило меня, – там же деньги!

И теперь другая горячая мысль обожгла мне сознание.

– Деньги, кому они достанутся? Если их оставить здесь, то проводнику или проводнице, которые обслуживают этот вагон. Вряд ли они понесут их в милицию. А если и понесут, то по незнанию, что они там есть. Милиционер, который первый откроет его, он же и присвоит их. Нет, надо взять деньги, а саквояж спрятать подальше под сиденье и непременно затолкать его ногами.

– Должна же быть какая-то компенсация за все свалившиеся на меня неприятности, – подумал я.

Вытащив из кармана платок и не прикасаясь голыми руками к замку саквояжа, открыл его, огляделся: все ли спят? и убедившись, что было именно так, стал лихорадочно перекладывать их в свой портфель. Я трусливо озирался и дрожащими руками брезгливо засовывал пачки на самое дно. Заполнив портфель больше, чем наполовину. Небольшую часть денег я оставил в саквояже, а чтобы их не сразу обнаружили, замаскировал одеждой, которая была там. Для чего я это делал не знаю, ну, наверное, для того, чтобы сыщики, а они наверняка будут, не подумали, что его смерть связана с ограблением. Ведь никто не знал и никогда не узнает –

сколько их там было. Всю операцию я провел быстро, обременив себя еще одним преступлением. Я честный и чистый человек, никогда не совершивший ни единого правонарушения и вдруг сразу вор и убийца! Каково?! Ощущение было такое – будто я вылез из помойной ямы и надо срочно отмыться от этого дерьма, но как?

Надо же было ему встать на моем пути. Воистину человек не знает, где и что его ожидает.

Уставший и утомленный этими жестокими событиями, я дремал, вздрагивал и пробуждался от кошмаров, которые являлись мне в этой тревожной дремоте.

Но к утру я все – таки уснул крепким, богатырским сном.

Проснулся от каких-то разговоров. Было двенадцать дня, а в тринадцать поезд прибывает в Гурьев и потом следует в Адлер. Проводница шла по вагону и раздавала билеты, которые обычно отбирались у пассажиров при посадке.

– Я попросил свой билет, потому как, мне он нужен был в обязательном порядке, для отчета за командировку. Проводница отдала его мне и спросила: А где этот жеребец, который вчера здесь буянил, матерился и все бегал да скупал шкалики на каждой станции?

– А бес его знает, девушка, может он в ресторане сидит.

– Такие по ресторанам не ходят.

– А он, что тоже в Гурьеве должен выходить?

– Да нет, он в Туапсе, кажется, едет.

– До Туапсе еще далеко, придет.

– Ой, пропажу ищите? Может в соседний вагон пошел, – вмешалась в разговор Лика.

– Ладно, а вещи его где?

– Не знаю, – почему-то ответил я.

– Найдется, человек не иголка, а этот вообще – кабан, такие не пропадают, – ухмыльнулась Ика, – хотя бы его черти на игрушки унесли, как хорошо без этого чудовища!

– Ой, сестренка, нам то что? Мы уже приехали.

Все те, кто покидал вагон на следующей станции, собирали вещи, скатывали матрацы и аккуратно укладывали их у изголовья. Так уж было заведено на железнодорожном транспорте.

Проводница раздала билеты гурьевчанам и ушла в свое купе. Все это время я волновался и чего-то ожидал. Но, как оказалось, мои опасения на данный момент были напрасны. Я торопил поезд и думал: чем скорее приедем, тем быстрее я удалюсь от этого злополучного поезда.

– Ну, что, Сергей Иванович, – положив мне руку на плечо, обратилась Лика, – не увидимся больше?

– Это почему не увидимся? Земля круглая и если даже идти прямо все время удаляясь от тебя, то обязательно приду к тебе. А я удаляться от тебя и не хочу, хотя бы до тех пор, пока доедем до города.

– И всего-то? вот ухажеры пошли, а я – то настроилась... Она не по-детски прильнула к моему рукаву и вздох сожаления, сразил меня окончательно.

– Милая барышня, посмотрев ей прямо в глаза, – сказал я, – меня встретит служебная машина, и я развезу вас с сестренкой по домам, заодно и узнаю, где тебя караулить, когда затоскую.

– А по мне? – хитро улыбаясь и наклонив голову набок, спросила Ика.

– Не могу же я вас обоих любить?

– А почему бы и нет, – хмыкнула она и припала ко мне, с другой стороны.

– Что ж попытка не пытка. И мы втроем, держась друг за друга, стали продвигаться к выходу.

Поезд, сбавляя скорость, проплывал вдоль перрона. Я напряженно вглядывался в толпу встречающих, волнение мое нарастало. Я не слышал, о чем щебетали мои спутницы, а хотел понять: нет ли усиления наряда милиции, не ищут ли кого-то причастного к ночному происшествию и известно ли вообще о нем здесь. К моему удовольствию, я заметил, что все идет в обычном режиме, и нет дополнительного наряда милиции.

Сойдя со ступенек вагона, я помог девочкам, снести свои сумки и рюкзак. Мы собирались выйти на привокзальную площадь. В правой руке у меня был портфель, а в левой – две сумки моих спутниц. Я оглянулся: в проеме дверей вагона, в котором мы ехали, появилась проводница. В одной руке у нее был желтый флажок, а в другой красный саквояж погибшего. Она искала нас глазами и кричала: Кажется, вы

забыли багаж?!

Я вздрогнул, на мгновение перед глазами промелькнул образ падающего в ночную бездну тюремного охранника и вся картина этого несчастного случая. Я напрягся, отвернулся от кричащей нам проводницы и сделал вид, что не слышу, дабы не вступать с ней в полемику. Однако она спустилась со ступенек и побежала за нами.

– Девочки, это не ваша сумка? – притворно спросил я

– Какая? – спросила Лика.

А вон, та с которой нас догоняет проводница.

– Нет не наша, да это же саквояж этого неприятного мужика – пьяницы, – опередила с ответом Ика.

Проводница остановилась возле нас, но Лика предупредила ее вопрос.

– Это багаж мужчины, который едет дальше, зачем вы нам его принесли?

Проводница, поняв свою оплошность, и увидев, что состав медленно сдвинулся с места и пошел, бросилась назад. У меня отлегло от сердца, кажется все, теперь можно забыть этот кошмар.

На привокзальной площади стоял наш служебный «Пазик», и Вася Губчик, водитель автобуса, махал нам рукой, заметив меня.

– О, девочки! – воскликнул я, – мы легко поместимся со всем багажом – за нами приехал автобус.

– Вася, принимай гостей, обратился я к водителю, – и раз-

мести эту поклажу там сзади, ты сначала отвезешь их, а потом и меня.

– Будет сделано, господин – товарищ – барин, – пошутил Вася и принялся за дело.

Ехать предстояло минут двадцать, и за это время мне надо было договориться с Ликой о встрече. Но она, опередив меня спросила: Так и расстанемся, не обменявшись телефонами или адресами, Сережа, – впервые она обратилась ко мне на «ТЫ», это означало, что мы стали ближе друг к другу.

– Вот мой рабочий телефон, Лика, я буду ждать твоего звонка.

– Я непременно позвоню, и мы договоримся о встрече.

Говорили мы тихо, почти шепотом, но сестренка все же поняла, о чем речь и сказала:

– Уже шепчетесь, а я остаюсь вне игры, Сергей Иванович?

– Так Лика не будет скрывать от тебя мой номер телефона.

– Э-э-э, вы ее не знаете: индивидуалистка, эгоистка, хотя и активистка, – рассмеялась Ика получившемуся каламбуру.

Тем временем я записал телефон и, вытащив листок из блокнота, передал его Лике.

Ика первая дотянулась до него и выхватила листок из моих рук.

– Вот-вот, смотри: а тебе я его не дам, сама буду звонить, ну, как? – вертела она его в руке над головой.

Лика не реагировала. Я тут же нацарапал повторно и уже вложил его в карманчик, который находился у нее на гру-

ди, нечаянно прикоснувшись к этому прелестному бугорочку и резко отвел руку, как после удара электрического тока. Ика заметила это и тут же отреагировала: Ой-ой, смотрите на них, какие недотроги, а не любовь ли у вас?

– Все может быть, голубушка.

Вася тем временем, наблюдал за нашими объяснениями в зеркало заднего вида и улыбался.

– Вот приедем домой, Сергей Иванович, все расскажу жене.

– Ну это будет не сегодня, Вася, она уехала с сыном в Гагры, а пока приедет ты забудешь, у тебя же девичья память, я – то знаю.

– Вот мы и приехали, Вася, остановите нас здесь.

Водитель помог девочкам выгрузить вещи и пошел в автобус. А я стоял, положив руку на плечо Лике, смотрел ей в глаза и так хотелось прижать ее к себе и поцеловать эти нежные манящие губы и не отпускать, не отпускать никогда. Видно девушка поняла мои мысли. Сначала она прислонилась ко мне щекой, а потом, повернув ко мне лицо, нежно прикоснулась сладкими губами к моим губам и тут же отошла.

– Ты, сестренка, совсем с ума сошла, целуешься на глазах у всех с женатым человеком, – не то с осуждением, не то с завистью в интонации голоса, вздохнув произнесла Вика.

Я стоял замороженный и смотрел вслед девочкам, скрывшимся в подъезде.

– Да-а-а-а, кажется я опять влюбился! Да и Лика, тоже.

На завтра мне предстояло идти с докладом к начальнику управления, Баркинхоеву. На последнем селекторном он воспринял мое сообщение о готовности тупика в Ащелисайской, как несвоевременную шутку и велел явиться в понедельник с докладом и отчетными документами, о проделанной работе. Я лежал на кровати, поверх одеяла, и перебирал в памяти все сначала и до конца. За окном светило солнце и раздавались голоса детей, играющих на дворовой площадке. Я долго не мог сосредоточиться на докладе и сумбурно перебирал события на станции Ащелисайская. Я встал, закрыл окно, задвинул штору и сразу вспомнил невероятную картину, которую пришлось наблюдать там, на станции утром следующего дня.

Первую ночь мне пришлось провести в маленьком помещении дежурного. Прямо возле железнодорожных путей, среди раскидистых деревьев стояло совсем не большое, чисто выбеленное двухэтажное здание станции. Где на первом этаже находилась комната дежурного, касса для продажи билетов, в которой, как я заметил, не было кассира и крохотный зал ожидания, в котором едва помещались три венских стула и стол. А на втором этаже связь и комната монтеров пути. Начальник станции – маленький, толстенький человек, облаченный в железнодорожную форму, радушно встретил меня и даже предложил чаю в серебряном подстаканнике, с каким-то дворянским вензелем. Выяснив, кто я такой и за-

чем приехал, он посетовал, что не может на сегодня предложить мне комфортного ночлега, кроме как на стульях в зале ожидания. Уставший я заснул быстро и крепким сном, не взирая на то, что изрядно помял бока на этих неудобных диванчиках.

Утром я вышел на балкончик, пристроенный у самого входа, умылся из умывальника, сладко потянулся, разминая помятые бока и неожиданно увидел людскую очередь, тянущуюся из глубины небольшого поселка, до железнодорожного пути, на котором стоял комбинированный товарняк, состоящий из вагонов, полувагонов и нескольких цистерн. На одной из них у открытого люка верхом сидел человек, с большим поварским черпаком, который он периодически окунал в цистерну, доставал что-то и выливал в посуду, которую ему подавал другой человек, который (в свою очередь) передавал ее вниз и менял на какое-то ведро или кастрюлю. Все стояли тихо, со знанием дела ждали своей очереди. Я удивился и с вопросом зашел в комнату начальника станции.

– А вы не подскажите, любезный, что там за очередь?

– А эта, – он махнул рукой в сторону, не поднимая головы, – да там, в составе цистерна с вином стоит, вот они и ополовинивают ее, а потом напьются и пару дней будут куралесить.

– А как же? ведь это нельзя! – изумленно заметил я.

– Да ладно: лезь, нельзя, нет у них такого понятия. Они здесь в глуши одичали совсем.

– Поселок маленький, лес и лесостепи, за поселок выйдешь – такая глухомань. Только что и есть школа да медпункт, почту сбрасывают с проходящего поезда. Пассажирыские здесь не останавливаются. Вот они и устраивают себе праздник, как цистерна попадетсЯ.

– Откуда же они знают, что там вино?

– Хм, у них глаз наметан. Да еще информаторы с других станций.

– Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! – удивился я.

– Ничего привыкните.

.....Я лежал и улыбался, вспоминая этот анекдотичный пассаж.

В дверь постучали. Я неторопливо накинул на голое тело длинный, вязанный из сейлона халат, подаренный мне любимой тещей, и, едва заслонив нижнюю часть, пошел к двери.

Придерживая халат одной рукой, другой отодвинул никелированный засов и открыл дверь. Передо мной стояла девушка – почтальон, в коротенькой синей юбочке на бретельках и прозрачной нейлоновой кофточке, розоватого цвета, под которой едва просвечивали спелые, торчащие вперед сосками, как два наведенных пистолета груди, готовые выстрелить своим спелым соком в любого, кто первым прикоснется к ним.

– Господи, – взмолился я про себя, – и за что ты посылаешь мне такие испытания? ведь я, вечно горящий пламенем любви, могу не сдержать своей страсти к такой милой, юной,

манящей своими перстами, нимфе и кинуться на нее.

Девушка почувствовала мое волнение и недоуменно спросила: Что с вами, вам плохо? я почтальон, и принесла вам телеграмму.

– Нет, нет что вы – волнуясь ответил я, – мне хорошо, очень хорошо, разве может быть плохо, когда рядом такой благоухающий пион? Я даже очень доволен, что именно сейчас, в минуты одиночества, такое счастье видеть вас, выпало мне.

Она сделала шаг вперед, чтобы не остаться за порогом и продолжила:

– Вот здесь распишитесь и получите ее. – И она протянула мне квитанцию.

В одну руку я взял телеграмму, второй придерживал халат, прикрывавший мою наготу. Квитанцию я машинально зажал губами, чтобы в освободившуюся руку взять ручку, но пола халата выскользнула, и я невольно обнажил, все то, что я так тщательно прятал под ним. Девушка прыснула смехом, но ничуть не смутившись, продолжала смотреть на мое мужское достоинство, принимавшее иную форму, с нескрываемым любопытством.

– Ну вы даете, мужчина!!!

– Ой простите! Уронив ручку и квитанцию, я попытался закинуть полу халата, но запутался в ней, шагнул назад и, наступив на его край, упал на спину и разнагишался совсем. Девушка, уже не смущаясь, хохотала громким, заразитель-

ным, но манящим смехом, который мне и дал повод для того, чтобы окончательно понять, что финиш может быть только такой. Я протянул руку помощи и прикоснувшись к ней, потянул ее вниз. Дверь захлопнулась. И мы остались на полу.

Как там у Лермонтова: «Они сплелись, как пара змей, обнявшись крепче двух друзей». Головокружительный запах «белой сирени», который исходил от ее каштановых волос, нежное, теплое тело и глубокие озера страстных голубых глаз, со дна которых слышались стоны блаженства, растворяли все мое существо и уносили в небеса. Трудно было оторваться от этой божественной чаши, наполненной медом жизни. Нет, это ни была любовь, но это была страсть, такая же безрассудная, импульсивная, как и вся моя жизнь.

В телеграмме жена извещала, что в субботу прилетает с побережья. Я неоднократно ругал себя за импульсивность, необдуманные поступки, за страсть к красивым женщинам. Иногда устраивал себе самосуд, но каждая новая встреча с таковой, мгновенно перечеркивала как бы правильные, с точки зрения морали, мысли, и я как в омут головой, окунался в новую страсть. Да это был, пожалуй, мой самый большой недостаток, с которым не получалось успешно бороться. Правда все было тайно и жена никак не могла заподозрить меня в неверности. Но, как известно, всякая тайна и называется тайной, что со временем она становится явью, только все сходится ко времени ее раскрытия. Она может жить и месяцами, и годами, и столетиями.

После того, как я доложил Баркинхоеву о результатах моей месячной командировки, он улыбнулся (хотя ему, строгому и требовательному начальнику это было не свойственно) и сказал: Я все знал, дорогой, и премного тебе благодарен за оперативность, настойчивость и творческий подход к данному мною поручению. Фактически сегодня Чумаков может стартовать с передислокацией. Я уже договорился с начальником гурьевского отделения дороги о формировании комбинированного состава, куда войдут пассажирские вагоны, полувагоны и платформы. Завтра начинает грузиться. И еще тебе большой привет и благодарность от начальника и челябинского отделения, за неожиданно быстрый старт нашего общего дела. В конференцзале, где проходило совещание, было много народа: здесь и начальники СМП и главные инженеры, и все начальники отделов УС-99. Мне было неловко Я не привык к тому, чтобы начальство меня хвалило. Обычно я за свои инициативы и самостоятельные решения, получал только назидания, косые взгляды соратников, а иногда и взбучку. А тут хвалил, да еще принародно. С этого дня при встрече коллеги по работе, более подчеркнута кланялись, более громко приветствовали голосом, да еще с каким-то особым усердием выдавали свое почтение. У нас в стране так принято: если начальник похвалил, то возможно скоро приблизит к себе, а тот, кто усердствует рядом с тобой, паровозиком и пойдет вверх по служебной лестнице. Но я – то знал, что эта похвала не на долго. Я по натуре времен-

щик и никогда долго не задерживался на новой работе. Причин было много, и главная состояла в том, что себе я прощал некоторые шалости, как например, любовь к красивым женщинам. Зато терпеть не мог жуликов и воров, я не имел ввиду, карманников, то их профессия, а тех, которые дурили ближнего, ввали и через это обогащались, а себя представляли честными и порядочными, да еще и учили жизни других. Вот все это и побуждало меня к смене работы. Мама, замечая такие наклонности, говорила мне, что, меняя работу ты уходишь от проблем и от людей, ты можешь много раз уйти от них, но от себя ты никуда не уйдешь. И она была права.

Выполнить задание, порученное мне, было нелегко. Но социализм, сам по себе, предусматривал такие отношения между организациями и предприятиями, которые могли зиждется на доверии, инициативе, находчивости и напористости исполнителя. А потому после визуального знакомства с местностью и некоторыми людьми, которые могли бы оказать мне содействие в моих планах, я решил, что нет смысла по каждому поводу советоваться с начальством. И решил самостоятельно организовать строительство тупика для будущего пакгауза, чтобы можно было принимать вагоны с грузом. Для этого я побывал у начальника Челябинского отделения дороги, у начальника воинской части, которая находилась в десяти километрах от станции и у председателя поселкового совета. Эти руководители не меньше меня были заинтересованы в развитии станции. В недалеком будущем,

грузы, которые доставлялись из соседних товарных станций автотранспортом могли бы приходиться по железной дороге прямо на место.

Небольшое глиняное сооружение, с деревянным крыльцом и плоской крышей, окантованной не тесанными бревнами, и радиоантенной, возвышающейся над козырьком, у самого входа и обозначался, как Поссовет ст Ащелисайская.

Там я и застал высокого, худого, сорокалетнего председателя по фамилии Берг. Арнольд Иосифович. Он обреченно слушал меня, а когда я полностью изложил цель своего приезда, встрепенулся и сказал: Может что и изменится в нашей захолустной жизни. Так давай, дерзай. А чем могу – помогу. Но только людьми. Транспорта кроме гужевого у меня нет, техника аж в Челябинске и та у железнодорожников. Есть еще военные. Они все могут. Но там командир такой крутой мужик и прижимистый, но думаю, он клюнет. Ему ой как нужны подъездные пути.

С учетом всех этих необходимостей я и начал выполнять задание, данное мне Баркинхоевым.

Проходную воинской части я миновал только после того, как по внутреннему телефону представился командиру. Высокий, стройный полковник, с седыми бакенбардами и такими же седыми закрученными вверх усами, широким уверенным шагом, вышел мне на встречу и улыбаясь совсем не притворной улыбкой произнес: В кои веки к нам гость с Большой земли пожаловал!

– Здравствуйте, товарищ полковник! А почему с Большой земли, вы же не на острове?

– Что ты, голубчик, пожимая мою руку огромными сильными ручищами, продолжил он, – это, пожалуй, хуже любого острова: кругом пустыня и маленький оазис в тысячу квадратных, без промышленного электричества и связь только по радиации, да вода из стапятидесяти – метрового колодца. Как тебе это, а?

– Вот потому-то я и у вас, – усаживаясь на предложенный стул, сказал я. Он любопытно склонил голову набок и продолжил:

– Ну, ну, дальше, дальше, молодой человек, кстати, познакомимся: полковник Баландин Владимир Иванович, а вы? И он стал вслух читать мое удостоверение, протянутое ему.

– Так, продолжайте!

– Владимир Иванович, цель с которой я пожаловал, очень даже интересная и для вашего подразделения, и для вас. Мы передислоцируем на вашу ж.д. станцию СМП-224 для развития железнодорожных путей, поселок для строителей перевод ж. д. транспорта на электрическую тягу. И все сопутствующее решению этой задачи. Вот у меня есть и генеральный план, протянул я ему топографическую карту с пометками и комментариями.

Полковник некоторое время внимательно вглядывался в карту, читая пояснительную записку, и все больше на его лице выражалось удовлетворение.

– И чем же военные могли бы помочь осуществлению этого плана? А если есть чем, то мы готовы.

– На первый случай: пару самосвалов, погрузчик и грейдер, пока я шел по вашей территории, заметил присутствие этой техники, а потом видно будет. Все это необходимо для устройства ж. д. тупика к пакгаузу, куда будем сгружать все необходимое для обустройства будущего поселка. Учтем и ваши интересы, легче будет привезти от станции Ащелисайская, в трех километрах от вас, чем от товарной станции в 70 км – так ведь. А в дальнейшем рельсы можно будет и к вам протянуть.

– Да, пожалуй, это очень важно. Обращайтесь, как только возникнет необходимость.

Он встал, подошел ко мне, пожал руку и двинулся к выходу.

– Кто вас сюда привез?

– Да я так – на своих двоих.

– Не гоже заместителю начальника такого крупного управления пешком ходить. Идите, на проходной вас будет ждать «козлик», до встречи.

Он козырнул и первым вышел из кабинета.

Сейчас, отдыхая на собственном диване, я временами дремал и вспоминал все прошедшие события.

Я был бы не я, если бы в этом непредсказуемом круговороте дел не находил бы себе любовных приключений, да они сами преследовали меня как необходимые аксессуары, укра-

шающие мой жизненный путь.

Но сейчас надо было думать о другом. Неожиданно свалившуюся на меня кучу денег (я даже не посчитал сколько их там) надо было куда-то надежно спрятать. Как я их предъявлю жене? да и поверит ли она в эту сказку? А жизнь не предсказуема, и доверять эту тайну нельзя никому. Мало ли: испортятся отношения или еще что, и ты у нее на крючке. Может быть я и напраслину думаю, но как говорится: береженого бог бережет.

Но прежде, я встал с дивана, зашторил окно, открыл свой портфель и высыпал на пол все содержимое. Красных купюр было больше, чем вещей, которые я взял с собой в командировку. Разложив их обособленно в сторону, аккуратно собрав в пачки те, которые были россыпью, я стал считать. Я насчитал более тридцати тысяч рублей. И мурашки побежали по спине: Что же я буду делать с этой кучей денег?! Я и не предполагал, что когда-нибудь буду держать в руках такое богатство!

– Никак и никогда нельзя кому бы то ни было об этом говорить, разве только своей маме и то не стоит, навевать на нее сомнение в моей порядочности.

Неожиданно в дверь позвонили. Я вздрогнул и машинально ногой задвинул деньги под диван. Убедившись, что их не видно, второпях собрав разбросанные на полу вещи, я пошел к дверям.

– Вы Иван Иванович Забродин, не так ли?

– Вообще-то не так, – ответил я, сбрасывая с себя мандраж, который охватил меня, при виде таких официальных, одетых в одинаковые черные костюмы, какие носят представители тайных профессий или следователи.

Однако второй, высокого роста, крепкий мужчина, с уродливо выпиравшей нижней челюстью, подтолкнул первого локтем, предложил:

– А не покажете ли вы нам свои документы, а то ведь можно сказать, что я не индюк, а оказаться..

– Вот, когда покажу вам документы, тогда и посмотрим, кто из нас индюк? – вспылил я.

– Ну, вы не обижайтесь, – примирительно сказал старший, – но паспорт все-таки покажите.

– Вы уж постойте за дверьми, а я сейчас принесу.

– Ну как знаете, но как-то не гостеприимно себя ведете, – вмешался в разговор третий.

– Пришли, обозвали индюком, а я их на чай еще должен позвать, – с иронией сказал я и неожиданно захлопнул перед их носом дверь.

– Но волнение все-таки не покинуло меня. А вдруг ворвутся, когда я буду показывать паспорт. Нет, деньги надо спрятать подальше, а куда? Хорошая идея пришла сразу.

Я вновь взял портфель, быстренько заправил его деньгами, вышел на балкон, сорвал бельевую веревку, завязал ручку и спустил его за окно, защемиив веревку между рамой и подоконником. Отряхнул, руки от пыли, прихлопывая ладо-

шки одну о другую и пошел искать паспорт. Он находился в серванте. Но вдруг меня осенила мысль: как же я, такой опытный человек не спросил их, кто они такие и не проверил их документы? А вдруг это какие-то бандиты и фамилию Забродина они просто придумали, чтобы проникнуть в квартиру. Я подошел к двери и прислушался: они о чем-то говорили шепотом, спорили. Потом раздался требовательный стук и голос старшего:

– Долго вы будете держать нас за дверью?

– Долго, ребята, вызывающим тоном ответил я, – пока не приедет милиция, я ее уже вызвал, вместе с ней и зайдете, а то ведь я вас совсем не знаю.

– А мы и есть милиция.

– Нет, на слово я не поверю.

– Мы просто без формы, открывай же, – крикнул кто-то из них угрожающе.

– Вот сходите, оденьте форму и тогда я вас пущу.

– В ответ один из них ладонью сильно ударил по двери, выругался, и я услышал, как они спешно побежали вниз по лестнице.

– Испугались, – подумал я, значит – жулье. Однако интересно: случайный набег или связан с этой кучей денег? А может они и ищут воровской общак? Я выстраивал всякие версии, но никак не мог связать их с происшествием в поезде. Да и откуда выпал этот человек, с какого поезда, с какого вагона? – установить было не просто, если, конечно, провод-

ница не заявила. А оглашать это происшествие было не в ее интересах. Фамилии при покупке билета не записывались, паспорта не проверялись. Купил себе билет, сел в поезд, пошел в ресторан, пил там до потери пульса и выпал на ходу. Таких случаев тьма. Есть документы – начнут искать, нет – спишут или сдадут в «бюро находок». Но может быть его, с его деньгами ждали на какой-то станции? Тогда землю рыть будут и найдут. Вот эти вопросы мучили меня, а ответов я не находил. Одни догадки и предположения. Я жил на третьем этаже, и подвешенный за окном портфель не был каким-то необычным явлением. Но перепрятать или перевезти его куда-то было необходимо.

– О! возникла гениальная мысль: положу-ка я его в ячейку камеры хранения на вокзале, а потом решу, как быть. Ведь дома они тоже не могли находиться. Обычно много денег порождает много вопросов. Купить на них дом, дачу, машину – тоже опасно: откуда у замначальника управления такие деньги?

Поэтому, чтобы не навлечь на себя внимание ОБХСС или просто любопытных соседей, надо было прежде хорошо подумать, а потом принимать решение.

Стемнело. Надев на себя легкую курточку с капюшоном и с портфелем собрался было идти. Но потом подумал: а с чем же я пойду на работу? А если завтра придется куда ехать, что тогда? Бежать в камеру хранения за портфелем? Нет, деньги надо во что-то переложить. Я стал рыться в гардеробе, в сто-

ле, в бельевом шкафу и наткнулся на наволочку от диванной подушки.

– Да, пожалуй, это подойдет. Плотная ткань и молния напоминали какой-то предмет похожий на сумку. Я переложил деньги, аккуратно перевязал наволочку веревкой, посмотрел в зеркало на свою ношу со стороны и решил, что все как надо.

Волнуясь я приоткрыл дверь, высунул голову, осмотрелся и, глубоко вдохнув воздух, вышел. Некоторое время постоял в нерешительности: идти или не идти, – думал я. Но потом решил: хватит трястись, идиот, кто знает, что у тебя в пакете? На самом деле так глупо выглядело это все со стороны.

Предстояло пройти длинный путь через город (автобусы ходили крайне редко) или короткий путь в полтора километра – через степь. Но уже была почти ночь и идти с такой суммой денег было небезопасно. Однако я опять поймал себя на мысли, что никто не знает, что я несу деньги. Чертовщина какая-то!

Пересек тротуар и пошел в темноту. Тусклые огни вокзала были видны издалека. Мне частенько приходилось идти по этой дороге, но только днем. Тысячи бугорков, нарытых неугомонными сусликами, осложняли путь в ночи. Ноги то и дело проваливались в небольшие норы или спотыкались о бугорки. Наконец я вышел на протоптанную тропинку и пошел смелее. Неожиданно непонятно на каком расстоянии, замаячил таинственный силуэт. Да в такой темноте встре-

тить неизвестно кого, вдали от всего живого, да еще с такими деньгами – страшно! Но отступить или бежать было некуда, да и поздно. Страх подгонял меня, и я, изобразив уверенность и бесстрашие, шел к нему навстречу. По мере приближения я видел этого весьма крупного человека, голова которого была покрыта капюшоном, и образ его наводил все больше страха. Я тоже надвинул на глаза капюшон, чтобы, как мне казалось, напугать встречного и прибавил шаг. Видимо, моя решительная поступь привела в замешательство встречного, и он, по мере приближения, стал отходить с тропинки, уступая мне место. Сердце стучало, как огромный барабан. Звук его отдавался в ушах. Мы проскочили мимо друг друга, как два курьерских поезда. Я не посмел оглянуться даже тогда, когда затихли его шаги.

Деньги я благополучно поместил в ячейку, вышел на привокзальную площадь, сел на каменный парапет, закрыл лицо ладонями и долго так сидел, разгоняя недобрые мысли и призывая себя к спокойствию.

– Кажется все хорошо, завтра приедут мои, и я на время забуду об этом. Черт подери: «Нет денег – плохо, а есть – еще хуже». Теперь они, как дамоклов меч, будут висеть над моей головой.

На следующий день, когда сынишка сидел на моих плечах, а свободной рукой я катил чемодан на колесиках, мысли о деньгах улетучились сами собой. Управленческий автобус, поджидавший меня, стоял на противоположной стороне

площади. Вася Губчик, как всегда копался под крышкой капота, протирая детали от въедливой гурьевской пыли.

– Дядя Вася, привет! – кричал Саша, еще восседая на моих плечах.

– Привет, морячок! – откликнулся водитель и, закрыв капот, по привычке стал тщательно вытирать руки, чтобы поздороваться по-мужски, с моим сыночком.

– Здравствуй, Мила, как отдыхали? – обратился он к моей жене после того, как потискал Сашу.

– Отдыхать, Вася, всегда лучше, чем работать, хорошо бы муженек рядом был, а то вечно отпуск в разное время проводим, – не преминула упрекнуть меня жена.

– А так у всех, редко, когда отпуска в семье совпадают.

– Ну, что было, то было, – заметил я, – а сейчас заводи мотор.

Я знал, что командировки мои не кончатся до тех пор, пока не передислоцируем СМП-224.

Но говорить об этом сейчас после почти месячной разлуки я не стал. Несколько дней я руководил этим процессом по телефону, а на месте вводил в курс дела начальников тех отделов, которые должны были активно содействовать этому процессу. Я не спешил в командировку еще и потому, чтобы не мешать опытному начальнику СМП делать свою работу. Неожиданно пришла телеграмма из Тбилиси: Приглашаетесь на переговоры с Тбилиси.

– Что еще за переговоры? – спросила жена.

– Там мама, сестры, мало ли что. Может предложат переехать, – пошутил я.

– Я бы не против переехать в столицу Грузии, поменять этот песок, комаров и ужасную жару на субтропики, – мечтательно заметила Мила.

– А ты и на самом деле размечталась. Я тоже не возражаю, но это только мечты!

– Ты заранее созвонись с Губчиком, отвезет тебя на переговоры, а то транспорта в это время уже нет.

Новость, которую я узнал от старшей сестры ошеломила меня.

– Мама в больнице, выпала из дверей автобуса на спину, повредила позвоночник и теперь не ходит, мы, сам понимаешь, не можем бросить работу и сидеть с ней. У меня – Карлен, а у Светы – Юра, не хотят брать ее к себе. А ты бы переехал и жил бы в Тбилиси с мамой? Мила будет сидеть с ребенком, а заодно и маму посмотрит. А мы будем помогать.

Мила ждала меня, сгорая от любопытства.

– Вот это новость! – воскликнула она, – я как в воду смотрела. Что нам? – собрали чемоданы да поехали.

– Это знаешь, как в лотерейный билет выиграть. У мамы там квартира почти в центре Тбилиси. Мне как раз отпуск положен. Поеду на разведку, посмотрю на планы родственников и приеду с готовым решением, как, Мила?

– А что? Я «за» двумя руками. Поменять задворки азиатской республики, на столицу Грузии!

– Почему ты так говоришь, какие такие задворки?

– Ой, прямо – таки центр мира. Напомню тебе, муженек, поговорку: Есть на свете три дыры – Гурьев, Кушка и Мары.!

– Так-то оно так, но здесь все-таки должность, интересная работа.

– Работы везде хватает, ты же преподаватель психологии, профессия востребованная, работа там тебя сама найдет. А здесь ты, как говорится: Молодец среди овец, а вот попробуй себя на более высоком уровне.

– Уговорила, Милочка, завтра пойду просить отпуск, сошлюсь на мамину болезнь.

На следующий день поезд Челябинск – Адлер мчал меня на юг. Мне нужно было доехать до Беслана, пересесть на автобус или такси, добраться до Владикавказа, а там по Военно-Грузинской дороге до Тбилиси. Я как-то однажды ехал таким путем, и мне нравилось менять транспорт, встречаться с новыми людьми, попадать в новую обстановку.

Двухместное купе спального вагона в составе Новосибирск – Адлер произвело на меня очень даже приятное впечатление, и я долго наслаждался мягкими диванами атласными подушками и кружевными занавесками. Поезд в Гурьеве стоял 20 минут, я успел попрощаться с женой и сыном и прошел в вагон.

– Ваше место нижнее, – предупредила проводница, – верхнюю полку занимает молодой парень.

– А где же он?

– Кажется, ушел в вагон – ресторан. Судя по вашему билету, вы выходите чуть раньше его, в Беслане, так что еще успеете познакомиться.

– Надеюсь, хотя в этом нет необходимости. Сейчас завалюсь спать и наверстаю упущенные часы за все недосыпы в мой жизни.

Первое, что я сделал, так это положил пакет с деньгами под сиденье, который терпеливо ожидал меня в камере хранения, с того дня, как я приехал с командировки. Все шло как по намеченному плану, случались такие невероятные совпадения, которые позволяли решать накопившиеся вопросы.

– Теперь отвезу деньги маме, и никто, и никогда, и ничего не будет знать о них, – думал я. Багаж с гостинцами, где было три килограмма черной икры, и одежда, я тоже положил под свою полку. Так было надежно. Я уютно уселся, попросил у проводницы чаю, достал печенье и устроил себе маленький ужин.

Так, облокотившись на подушку после чая, я заснул и проспал бы до самой Астрахани, если бы не появился мой попутчик. Худощавый, темноволосый невысокий парень, кавказской национальности. Он попросил меня сдвинуться на полметра, достал из-под стола сумку, вытащил несколько пачек денег, рассовал их по карманам и ушел. Мне показалось, что он был уже пьян (что не свойственно кавказским парням) и уходя сказал: купе не закрывай я скоро приду.

Однако прошел день, но попутчик не возвращался. Вечером следующего дня, когда до Грозного оставалось проехать ночь, он появился изрядно пьян, но тихо без всякой суеты тяжело взобрался на верхнюю полку и не раздеваясь уснул. Купе наполнилось водочным перегаром. Я чуть приоткрыл дверь и так сидел, ругая обстоятельства, которые складывались мне назло. Я сам считал себя непьющим, а потому думал, что такими должны быть все. Я выходил из купе, стоял в коридоре у окна, потом возвращался и снова выходил, надышавшись парами водки, которые извергал спящий. Но я его ни в чем не укорял, просто такой уж я привередливый по натуре. Намаявшись я потушил свет в купе и уткнувшись в подушку лицом пытался заснуть. Сосед там наверху ворочался, мычал и с кем-то разговаривал на не понятном мне языке. Я слышал сквозь наплывающий сон, как что-то легкое упало на мягкий коврик, но не стал зажигать свет, а не глядя пошарил рукой по полу. Рука наткнулась на что-то похожее на маленькую упаковку. Я машинально заткнул ее под коврик, потом наткнулся на вторую (мне даже показалось, что это деньги) с ней я сделал тоже самое, и сон полностью овладел мной. Проснулся я от какой-то возни, уже светало. Поезд замедлил ход. А попутчик мой, поддерживаемый проводницей, пробирался к выходу. Он, очевидно, еще не проспался, но проводница, вероятно, разбудила его, т. к. поезд подходил к Грозному. Мы с ним так и не познакомились. Поезд стал и через раздвинутые занавески видел, как к нему подскочили

друзья и в обнимку потащили его к машине. Поезд тронулся, и я предпочел больше не ложиться, т. к. через полтора – два часа будет Беслан, где поезд стоит только две минуты.

Я встал ногами на коврик и вдруг почувствовал, что наступил на какой-то бугорок. В память вернулось то прошлое ощущение перед сном. Я осторожно приподнял коврик и увы! Там красовались две нераспечатанные пачки десяти рублевых. О, боги, опять я попал, вот это везуха. Я быстро спрятал их в карман и накинул куртку, чтобы не было видно, как контуры пачек выпирают из карманов. Привстал, по шире раздвинул занавеску, чтобы убедиться: никто не бежит, никто не догоняет на машине поезд? Глупо, но возможно. Сзади кто-то коснулся меня, и от неожиданности я вздрогнул и чуть было не упал, поворачиваясь назад. Передо мной стояла проводница: Вы что так испугались?

– Нисколько, – волнуясь ответил я.

Какие только мысли не пролетели в голове в это мгновение. И я готов был извиниться и сказать, что я нашел эти деньги на полу, и даже рука невольно полезла в карман, но она только сказала: Соберите, пожалуйста, постель, а чай я вам сейчас принесу. Еще немного и ваш Беслан.

Я шлепнулся задом на свою полку и глубоко вздохнул: Ну и делааа! Я стал припоминать, как я в полусне слышал падение денег на пол и не мог понять умышленно или случайно я их засунул под коврик? Теперь я уже дважды – воришка и не мелкий, ворую тысячами, и все и оправдываю себя. Я пере-

прятал деньги во внутренние карманы куртки, убедился, что снаружи их не видать и стал собирать постель. Мысль о том, что пропажу может пассажир обнаружить сразу не покидала меня. Деньги были немалые. Хотя сориентироваться, где он их потерял будет невозможно для человека, который целый день просидел в ресторане. И это меня успокаивало.

– Скорее бы добраться до Беслана, а там ищи ветра в поле, – рассуждал я, – сяду на автобус и все. Лишь бы не догнали и не устроили обыск, могу погореть, ведь у меня еще тридцать тысяч в багаже. Подумав об этом я еще больше заволновался. Чего доброго, еще сдадут в милицию с такими денжищами. Я отгонял эти мысли, но они, как назойливая муха, возвращались ко мне с разных сторон. Неожиданно появилась проводница и стала торопить меня.

– Поезд стоит две минуты, платформы возле нашего вагона нет, надо будет успеть покинуть вагон, пошли, – дотрогнувшись до рукава куртки, сказала она.

Да, прыгать на насыпь пришлось с высоты полутора метров, но предварительно я сбросил свой багаж. Дорога оказалась рядом. И я, подобрав багаж, вышел на нее и пошел к автостанции, откуда можно было уехать во Владикавказ. К моему удовольствию автобус Беслан – Владикавказ стоял под парами. Я поспешил, чтобы успеть на него. Каких-то 50 метров надо было пробежать. Двери Пазика закрылись, но я успел постучать по задней двери уходящего автобуса. Обычно вне всякого сомнения водитель, услышав или уви-

дев опоздавшего пассажира, открывал дверь и давал возможность войти (так принято на Кавказе) Однако на этот раз дверь не открылась, и я остался ни с чем.

– Фу ты, черт возьми, чтоб ты сгорел, – выругался я в сердцах, досадуя на ушедший автобус.

Следующий, на который я сел, вдруг неожиданно попал в пробку: ни туда, ни оттуда не было движения.

– В чем дело? – спросил я следующего нам на встречу мотоциклиста.

– О! там на перекрестке дороги, следующей на Ростов, столкнулся рейсовый автобус и бензовоз, люди сгорели все, Столкновение было почти лобовое.

– Стой, какой автобус!?! – в ужасе спросил я, закрывая лицо руками.

– Да такой же, как и ваш, сейчас движение откроют и увидишь все своими глазами. Его уже оттащили в сторону от дороги.

Я представил себе это зрелище, и по телу пробежала судорога.

– Это я ведь сказал в сердцах, чтобы он сгорел. Я виноват!!! – подумал я.

– Нет, все-таки виноват водитель: задержись он на мгновение, и этого ничего не случилось.

Мы поехали, и, притормаживая ход, водитель рассматривал: обгоревший автобус, суетню скорых, гаишников и постовой милиции.

– Да, как-то неоднозначно началось мое путешествие в Тбилиси, – подумал я.

Все сто километров, которые отделяли нас от Владикавказа, я только и думал о происшествии. Да и все в автобусе только об этом и говорили.

Милый красивый город, с чистыми зелеными улицами, успокаивал душу и вызывал какое-то умиротворение. Пока мы по нему ехали я даже забыл о происшествии. Я попросил водителя, чтобы он остановил там, где кучковались частники, набиравшие пассажиров в Тбилиси. Автобусы ходили два раза в день, а вот такси по мере заполнения машины, да и проезд был всего на рубль дороже.

Вышел я возле небольшого кафе, но к моему удивлению ни машин, ни пассажиров не было видно. Но все равно, кстати: мне очень хотелось есть.

Молодой, стройный парнишка с белой салфеткой, перекинутой через левую руку, стоял в центре зала и тотчас двинулся ко мне, как только я присел у столика.

– Мне что-нибудь домашнее, хочу есть, – опередил я его.

– Борщ или рассольник?

– Нет, жидкого не хочу Котлеты с жареной картошкой можно?

– Конечно, даже ждать не придется, – с улыбкой ответил он, – через пять минут, а еще что?

– стакан сметаны и компот.

– Только вещи отнесите в раздевалку.

– Нет, я их лучше под столом схороню.

– Ну, как хотите. И он быстро направился в кухню.

– Хорошо, что он про вещи напомнил, а то я про них совсем забыл, а ведь там целый капитал, да три банки черной икры. Надо иногда включать память! Иначе можно остаться на бобах.

Все было очень вкусно. Я расслабился и захотелось спать. Но где и когда? Впереди длинный путь через Кавказский хребет. На площади перед кафе появилась серая «Волга.» Я поспешил вниз.

– Скажите, дорогой, вы случайно не в Тбилиси? – спросил я у водителя, как только он вышел из машины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.